

К 100-летию со дня рождения А. В. ПЕРЕГУДОВА

КТО нынче помнит генералов от литературы двадцатых, тридцатых, сороковых и пятидесятых годов? Ни один орден самого высокого достоинства никому не прибавил таланта.

Писатель Александр Владимирович Перегудов служил литературе как умел, упоая на силу слова, на доброе в людях, на прекрасное в природе.

Он занимал половину крошечного дома на краю Ликино-Дулева. Город и поныне мал, а потому уютен. Дом стоит возле канавы, где весной роятся лягушки и поют свои песни, пока им хорошо. За канавой островок леса. Высокие сосны. Они шумели писателю в окно, и он всю жизнь слушал их.

Век Перегудову выпал, может быть, самый жесточайший во всей русской истории: империалистическая война, революции пятого и семнадцатого, бойня гражданской войны, 37-й год, Великая Отечественная война... Родился Александр Владимирович в 1894 году 16 апреля. В этот день Православная Церковь празднует явление иконы Божией Матери, называемой «Неувядаемый цвет». Видно, осенял этот дивный неувядаемый цвет дулевского затворника. Жизнь прожил Александр Владимирович долгую и счастливую. Его жена Мария Петровна была красавица, и не ему пришлось закрыть ей глаза. Умер Александр Владимирович 12 апреля 1989 года, не дожив четырех дней до девяностопятилетия.

Стыдно оскорбить память Перегудова натужным сласловием. «Многого я никогда не искал как писатель, — говорил о себе Александр Владимирович, — но если хотя бы одна страничка останется от тебя, всего одна страничка, то это уже чудо». В этих словах нет игры, но какое в них почитание великой русской литературы!

Перегудов не был героем. Он не писал произведений, которые могли бы вызвать гнев властей, не пытался перебороть Молох современности. И однако ж, Перегудов — имя в нашей литературе трагическое. Он начинал как жрец языческого слова, в его рассказах бушевала человечья весна и сильно пахло плотью. Его девки-торфушки, его лесники и старроверы не революцией заняты, в них кипит молодая кровь, и они одно-единное с лосьями и лосихами, с тоскующими на зорях глухарями, со всем миром, который для того только и нарождается на свет белый, чтобы испытать мучительной сладости любви. Ромен Роллан, прочитав «Солнечный клад» и «Лесное сердце», написал Александру Владимировичу: «Ваши две книги принесли мне запах северных лесов, у Вас есть, мне кажется, очень замечательное чувство природы... Пока я пишу Вам, я еще чувствую запах ночи, охоты...».

Ни христианства, ни язычества надзиратели советских писателей не терпели... Тогда Александр Владимирович ушел из литературы, как уходит из дома. Это был очень тихий уход, опасливый. Да только всякая другая смелость кончилась бы арестом. Молчать — тоже позиция.

Кормился писатель огородом. Печатался изредка, в районной газете, в «Советском охотнике»... И ни единой попытки угодиничанья.

Уйти со страниц журналов и газет — это не значит поставить крест на своем писательстве. Десять лет отсутствия не были немотой. Александр Владимирович писал роман «В те далекие годы». Этим романом и возродился, как птица Феникс. Шел 1951 год.

Международная известность Перегудова не велика. Роман «Фарфоровый город» трижды выходил в Германии, роман «В те далекие годы» переведен на болгарский, венгерский, румынский, вьетнамский языки. Рассказ «Встреча» напечатан в Японии.

Писательская известность зависит от многих причин, но менее всего от даровости, от изобразительной силы слова.

Известность в литературе — категория политическая. Но как повсюду и во все времена, под политической подразумевается не приверженность идее, а близость к высшим государственным властям или к тем, кто правит миром, кто запускает и кто останавливает пропагандистскую машину.

Ценил Ленин Демьяна Бедного, и был Демьян Бедный самым известным советским поэтом, жил в Кремле.

Нужен был Сталину Илья Эренбург, и каждое большое произведение Эренбурга получало Сталинскую премию, а сам он годами жил в Париже.

Бывают и другие виды известности: скандальная, как у Есенина; всенародное признание вопреки официальному, тоже же Есенина. Но это слава поэтов. Роман наизусть не выучишь. Есть еще

крестная слава — Юлиус Фучик, Шандор Петефи, Януш Корчак. Слава гонимых — Ахматова, Зощенко, Солженицын.

Перегудов не был политиком, не был врагом своего государства, он любил русский язык, дорожил им как святыней. Не лез в начальство, не искал высоких покровителей. В тридцатых годах строил кооперативную квартиру в Москве, но изменить милому Дулеву оказалось выше его сил, так что московским писателем тоже не был, а был подмосковным.

В дооктябрьской русской литературе существовало понятие: второразрядный писатель. Первый разряд — Пушкин, Гоголь, Лермонтов, Тургенев, Толстой, Достоевский, все остальные — вторые.

В советской литературе всевышними были Горький и Маяковский. Первый разряд — Шолохов, А.Толстой, Фадеев, Твардовский, Леонов. Далее члены Правления и основатели, где на Пришвина, Паустовского, Пастернака приходилось две сотни лизоблюдов, придворная рать. Все остальные — просто писатели. Перегудов принадлежал к просто писателям, хотя в 20-е и 30-е годы его печатали самые престижные советские журналы: «Красная новь», «Красная нива», «Новый мир», «Работница». Критики, не одобряя романы Александра Владимировича о рабочем народе («Фарфоровый город», 1929 г. — о фарфористах, «Солнечный клад», 1932 г. — о торфяниках), изобрели даже термин «перегудовщина». Ругань критики — первый признак популярности. Но испытал Александр Владимирович и такую критику, которая более походила на политический донос. Возможно, спасла от ареста дружба с Новиковым-Прибоем, большевиком, известным писателем...

В 1965 году Леонид Леонов почтил Перегудова коротеньким предисловием к роману «В те далекие годы».

«Писатель Александр Владимирович Перегудов принадлежит к той добротной и, на наше счастье, не столь уж малочисленной категории живущих в больших и малых городах страны русских писателей, которые, собственно, и составляют прочную основу нашей литературной среды и облик которых у читателя целиком, до неуловимости растворяется в их книгах — пуская порой композиционные рыхловатые или неровные в отборе материала, зато правдивых, как сама жизнь, подкупающих свежестью, достоверностью излагаемых событий».

Такова оценка классика советской литературы творчества «просто писателя». Перегудов удостоился звания «среды», иначе говоря, почвы, на которой произрастают кустарники и деревья российской словесности.

Александр Владимирович считал подобную оценку своего творчества справедливой.

После смерти Перегудова его племянница и ангел-хранитель Вера Ивановна Тодорская подарила мне каталог кооперативной издательской артели «Московское товарищество писателей», выпущенный в 1928 году. Это очень горькая для писателей книжечка. Семьдесят пять имен. У восьмерых объявлены собрания сочинений. Л.Алтаев — 19 томов, С.А. Ауслендер — 8 томов, Н.А. Каринцев — 7, Н.Н. Никандров — 4 тома, М.Г. Сивачев — 6 томов, Ю.Л. Слезкин — 7 томов. Редко кого из названных писателей читают в наши дни. А из семидесяти пяти — известны разве что В.Вересаев да А.Новиков-Прибой. Ближайшие друзья Перегудова, как и сам он, вошли в этот каталог. О П.Низовом сказано: «...Чувством понимания природы одарен в высшей мере». Помечено: роман Н.Никандрога «Путь к женщине» распродан до последнего экземпляра. А.Новиков-Прибой назван Айвазовским пролетарской литературы, а творчество Александра Владимировича рекламируется смелее некуда: «Основным мотивом его рассказов является половая жизнь крестьянской молодежи». Это о сборниках «Темная грива» и «Человечья весна». «Человечью весну» и сборник «Баян» Горький оценил доброжелательно, похвалил рассказы «Глухомань», «Казенник»: «Местами даже похож на Бунина».

Я верю, живая и мертвая вода — не сказка. Было да минуло. И очень я сомневаюсь, что живу на живой земле. Живая земля была иной. И вот еще в чем не уверен: осталось ли в нас, в русских людях, — живое слово?

Александр Владимирович с детства ощущал себя частью земли, неба, воды, огня. Человек города никогда этого не поймет. У городских людей только оболочка человеческая, на самом-то деле это марсиане. Уже теперь, читая Перегудова, испытываешь ностальгию по утраченной человечеством земле. Просто писал Перегудов. Писал для таких, как он сам, у кого на зубах ледяная радость ключевой воды, у кого в ноздрях запах народившихся березовых листьев, кто любит глазами. Много ли скажет проза Перегудова марсианину? «Вечера были багряны и теплы, ночи светлы и души-

Лит. Россия. — 1994. — 15 апр. (115). — С. 11.

ЗАТВОРНИК ИЗ ДУЛЕВА

сты. Накопившийся за день теплый запах трав и цветов, запрятавшись в кустах и чащах, опьянял и кружил голову. И было радостно, ярко и весело, но в то же время немного тревожно от этой безмерной, непостижимой силы солнца, которая все наполняет, все чарует, которой полны и лес и поле, вода и травы, земля и небо».

Так начинал Перегудов. Эти строки из «Казенника» — первого зрелого рассказа писателя. 1921 год.

«Костер угасает, малиновые угли покрываются пеплом. Окидываешь взглядом горизонт. На востоке у самого края земли темно-синий шатер звездной ночи стал наливаясь пока еще тусклым зеленовато-голубым светом. Это первая улыбка утра... Возникает новый день...» Так заканчивается чуть ли не последний перегудовский рассказ «Наедине с ночью». 1976 год.

Двадцать семь лет — и вся жизнь впереди — и восемьдесят два года. Задуманное написано, издано, жизнь дарит новые и новые годы, а творчество — завершено.

В простоте, в непридуманности слов, образов — красота языка Перегудова. Александр Владимирович роста был крошечного, но сильный, ловкий.

Детям он любил показывать фокусы, взрослых угощал самодельными наливками и настойками. Он был волшебник,

дарил студентам «абракадабру», и тот, кто решался положить «абракадабру» под пятаку, никогда не проваливался на экзаменах.

Александр Владимирович был охотник. Он водил по болотам Леонова, Правдухина, Сейфуллину, Яковлева, Низового, Никандрова и, конечно, Новикова-Прибоя. Большую часть романа «Цусима» Алексей Силыч написал в домике Перегудова.

Дружил Александр Владимирович с Сергеевым-Ценским, с Лидиным, с Гронским... Очень любил тихи Павла Васильева. Васильева он читал мне, мальчишке, когда это была тайна за семью печатями, запретная тайна. За нее можно было сесть, но Александр Владимирович хотел, чтобы память о поэте, вычеркнутом из литературы, уничтоженном в тюрьме, жила.

Впервые я попал к Перегудову школьником. Учитель Георгий Матвеевич Звонилкин ходил с нами в поход «По родному краю» и напоследок привел к писателю-земляку.

Позже я привозил Александру Владимировичу мои рассказы, совсем слабые, и похвалить меня было не за что, но первую мою книгу Перегудов принял радостно, прислал письмо, одобрял ясность и простоту языка.

Вот что удивительно. Во всякий мой приезд Александр Владимирович рассказывал о своих товарищах: о Низовом, о Никандрове, о Ширяеве... Почему я не записывал все эти рассказы?

В самые последние годы своей жизни Александр Владимирович нашел во мне маленькое утешение. Я стал оконцем в такой дорогой для него и такой уже малознакомый мир новой литературы.

Когда я жил в Орехово-Зуеве, мы не переписывались, близко и предлога не было. Но в 75-м году я переехал в Евпаторию, начали издаваться мои исторические романы, книги лирической прозы. Я дарил их Александру Владимировичу.

Александр Владимирович почитал себя за строгого читателя, но я не могу привести ни единой суровой строки в свой адрес. Я присил указывать погрешности стиля, композиции. И только однажды Александр Владимирович подчеркнул три неточных слова на большой роман. Не потому, что больше не было неточностей или их Александр Владимирович не заметил. Видимо, этот «строгий» судья предпочитал воспитывать похвалой.

Не изведав старости, трудно знать, что ей мило, а что тяжело.

Я все приставал к Александру Владимировичу: напишите воспоминания о Пильняке, учились вместе в Московском коммерческом училище. Александр Владимирович всегда отнекивался, ссылаясь на старость, хотя с удовольствием рассказывал, как Пильняк привел на литературные чтения жену-японку. Читал Федин, но все глазели на заморскую красавицу, и повесть пролетела мимо ушей.

За несколько дней до 95-летия я приехал с телевидением сделать передачу об Александре Владимировиче. Он сказал в камеру очень хорошо, ясно. Мне запомнилась его фраза, звучавшая как завет: «Евреи сохранили свой язык, и живы, и торжествуют в мире. Если мы, русские, не сохраним своего языка, то — погибнем». Через три дня Александра Владимировича не стало, через три года не стало Советского Союза.

Страну не сохранили, сохраним ли язык?

А ведь это не просто в наши дни. Сколько безъязыкой дьявольщины рухнуло на головы читателей, похабщины, откровенной матерщины. Компьютерной, машинной литературы для машин...

Нынче место русского писателя, поруганного, низведенного до нищенства, — необыкновенно высокое место. Всякая книга мастера русского слова, если она написана сегодня, — подвиг. Всякая книга мастера русского слова изданная — дело общее, во спасение самого нашего русского имени, русской души.

Только пустив шапку по кругу, удалось издать к 100-летию юбилею книгу рассказов Александра Владимировича, лучших его рассказов.

Первое стихотворение «Море» Перегудов напечатал в 1911 году в газете «Богородская речь», первый рассказ «Две песни» тоже в 1911 году в «Охотничьем вестнике».

Он автор сценария первого приключенческого звукового фильма «Золотое озеро». Его книги изданы миллионным тиражом.

Фарфоровый город Дулево бережен к памяти своего писателя. И слава Богу!

Россия выстоит, если народу будут дороги хранители языка — русские писатели!

Перегудов — сын старообрядческой Гуслицы, сумевшей сохранить веру отцов, передать ее правнукам через века в чистоте и любви. От Петра спасла, от «просвещения». У России есть опыт духовного выживания. Выживем, если будем памятливы.

Владислав БАХРЕВСКИЙ

Перегудов АВ

*15.04.94
БТР*